

научно-фантастический рассказ

ЛЕРИН ПАПА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ваня Котик

18+

Ваня Котик
Лерин папа

«Автор»

2026

Котик В.

Лерин папа / В. Котик — «Автор», 2026

Продлить срок человеческой жизни вопреки законам природы — вот истинная страсть нейрохирурга Льва Сергеевича. Коллеги называют его методы безумием, а академические чинуши упрямо заявляют: «Пересадка головы невозможна!». Но для профессора из центра Бурденко с сорокалетним стажем это единственный способ взломать эволюцию и подарить человечеству бессмертие. Возрастная деструкция? Профдеформация? Безумие? Кровожадные заблуждения? Время рассудит! Настал час доказать скептикам их ничтожество! Тайная мобильная лаборатория профессора готова. Этика отброшена прочь. Инструменты — скальпель, титан и уникальный хитозановый клей. Объекты эксперимента — смертельно больной пациент и случайный донор. Тело одного будет цинично отчуждено ради научного прорыва. Второй — спасен без спроса, ведь его голова обретёт новый дом и здоровое сердце. Вот только дикая штормовая ночь и слепой случай вносят в безупречное уравнение гения нейрохирургии фатальную переменную, которую невозможно было просчитать

© Котик В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод 1. Лев рычит на смерть.	5
Эпизод 2. Лев, лань и божья длань.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ваня Котик

Лерин папа

Эпизод 1. Лев рычит на смерть.

Для нашего времени Лев Сергеевич был фигурой анахроничной. Интеллигентный, до крайности педантичный, он подходил к утреннему кофе и беглому чтению новостной переделки как к действию театральному, даже ритуальному. Ровно в семь утра он, гладко выбритый, аккуратно причёсанный и одетый к домашнему завтраку при полном параде — в бежевые брюки, наглаженную рубашку с золотыми запонками, жилет в тон и галстук-бабочку — восседал, держа строгую осанку, за обеденным столом. Словно учёный муж благородного рода из девятнадцатого века, по ошибке родившийся в двадцать первом.

Интерьер кухни-столовой был под стать хозяину, безупречно дополняя картину. Убранство этой «евро-двушки», затерявшейся в спальном районе Москвы, спорило с современностью и на случайный взгляд обывателя мгновенно получило бы клеймо «тяжёлый люкс». Патинованное дерево, строгие линии, бархатный текстиль и начищенная медь рождали стойкое ощущение, будто Льва Сергеевича окружает не типовая новострой, а роскошный зал богемного парижского бистро времен ар-нуво. Казалось, вот-вот к его столу подойдёт изящный гарсон с перекинутым через руку белоснежным полотенцем и спросит: «Что-нибудь ещё изволите, месье?».

Впрочем, немногочисленные друзья, вхожие в эту обитель, охотно прощали хозяину его помпезные интерьерные причуды. Ведь Лев Сергеевич был человеком редкого, почти сакрального таланта. Заведующий отделением сосудистой нейрохирургии и главный научный сотрудник экспериментальной лаборатории, он обладал статусом профессора и заслуженного врача. Вот уже сорок лет в стенах знаменитого Центра нейрохирургии имени Бурденко он виртуозно оперировал сложнейшие аневризмы, удалял опухоли у основания черепа и сшивал микрососуды толщиной в долю миллиметра.

Сколько жизней он спас своими невероятными руками? Сколько обречённых судеб выправил, вырвал из цепких, липких лап смерти? Многие, многие сотни! Коллеги благоговели перед его уникальным мастерством. В прессе и статьях о талантливом докторе за фантастическую точность движений самого Льва Сергеевича уже много лет называли не иначе как «абсолютным хирургическим автоматом».

Из крошечной чашечки, картинно оттопырив мизинец, Лев Сергеевич маленькими глотками пил крепкий кофе со сливками. Неспешно и вдумчиво он листал и читал свежие новости на экране совершенно неуместного в этом антураже планшета. Взгляд профессора равнодушно скользил по строкам: экономика, политика, спорт, ракеты, обстрелы, робототехника, снова обстрелы, очередной «Старшип» взорвался заходя на посадку... Мир рутинно вращался по кругу, не предлагая ничего нового. Но вдруг внимание доктора привлекла статья с броским названием: «Валере всё же не отрежут голову — Канаверо всех обманул».

— О! Опять ты?! — Лев Сергеевич криво улыбнулся и ткнул пальцем в статью. — Снова всплыл в новостном болоте? Ну, конечно, как иначе. Го*но не тонет.

Серджи Канаверо. Тот самый скандально известный итальянский нейрохирург. Несколько лет назад он прогремел на весь мир громким заявлением, что готов провести первую в истории цефалосоматическую трансплантацию — пересадку головы человека на донорское тело. Валера — тот самый парень из заголовка — был его несостоявшимся пациентом. С рождения прикованный к инвалидному креслу, он добровольно вписался в эту авантюрную историю.

Лев Сергеевич прекрасно помнил шумиху вокруг итальянского выскочки и несчастного русского парня со спинальной амиотрофией. Итальянец много кричал на конференциях, обещал чудодейственный полимерный клей и позировал перед телекамерами, как дешёвый фокусник. В итоге Валера поступил мудро — выбрал тихую семейную жизнь вместо гарантированной смерти от рук тщеславного дилетанта, а Канаверо с позором сбежал в Китай, чтобы кромсать трупы в Харбине.

Итальянец провалился, потому что был шоуменом, а не хирургом. Он пытался склеить спинной мозг обычным полиэтиленгликолем, уповая на авось. Лев Сергеевич же не искал славы. Его собственная формула фузиогена на основе модифицированного хитозана не нуждалась в пиаре — она уже прекрасно работала в его лаборатории, ювелирно связывая и восстанавливая проводимость нервных волокон на клеточном уровне с абсолютной, прецизионной точностью...

— Так-так, посмотрим, что нового в этой дрянной истории... — Профессор пригубил остывающий кофе и углубился в чтение статьи.

Это был свежий обзор из авторитетного европейского журнала. Кричащий заголовок венчал интервью профессора Артура Каплана из Нью-Йоркского университета. Именитый американец с беспелляционной уверенностью заявлял, что цефалосоматический анастомоз — это «гнилая наука», дешёвый популизм и абсолютная медицинская невозможность. Каплан, вторя публикациям нейрохирурга Макса Крукоффа, методично распиная саму идею. Главным непреодолимым барьером он называл неспособность центральной нервной системы взрослого человека регенерировать аксоны после сквозного сечения. Статья была написана с тем заносчивым скепсисом, который Лев Сергеевич презирал сильнее всего в академической среде.

Много лет в лаборатории института он проводил тайные — вернее сказать, полуполезальные, прикрытые грантами по «восстановлению спинного мозга» — эксперименты на животных. Лев Сергеевич считал себя продолжателем дела советского учёного Владимира Демикова, создавшего в пятидесятых годах двухголовую собаку, и американца Роберта Уайта, успешно пересадившего голову обезьяны на донорское тело.

Безусловно, будь труды профессора преданы огласке, многие сказали бы, что подобные эксперименты лежат за гранью этики. Что он садист и коновал. Но так ли это, если взглянуть на проблему шире? Глазами гениального нейрохирурга, десятилетиями дающего отпор самой смерти? Именно смерть была врагом Льва Сергеевича. Её, а вовсе не бедных зверюшек, он ненавидел всем сердцем. Разумеется, его пациенты умирали — статистически это неизбежная норма для каждого практикующего хирурга. Но в победе над угасанием плоти заслуженный доктор видел главную задачу своей жизни и трудов. Задачу, величина которой будоражила его всецело. Лев Сергеевич верил: только пересадка головы может открыть человечеству путь к существованию, пусть не вечному, но продлённому на века.

Имеют ли убеждения профессора право на жизнь? Или, быть может, возраст и профессиональная деформация вкупе с печатью гениальности толкнули его специфический разум в пучину преступных заблуждений? Ответ на эти вопросы сможет дать, пожалуй, лишь время. Так или иначе, но фанатичная страсть к нейрохирургии, нечеловеческое трудолюбие и упорство в конечном счёте позволили Льву Сергеевичу раздвинуть границы возможного.

Фарфоровая чашка со стуком опустилась на блюдце. Капля кофе со сливками чуть не сорвалась на безупречно наглаженный бежевый жилет. «Абсолютная медицинская невозможность?!» — Лев Сергеевич едва заметно прищурился, и его тонкие пальцы, способные наложить микрососудистый шов на ствол мозга, жёстко заблокировали экран. Эти сытые западные теоретики, привыкшие оперировать исключительно регламентами и грантами, даже не догадывались, что в безликом пригороде Москвы, за закрытыми дверями его личной лаборатории, «Абсолютная медицинская невозможность» уже три года как послушно подавала признаки жизни...

Эпизод 2. Лев, лань и божья длань.

Дорога до скрытого за глухим забором загородного дома в неприметном старом дачном посёлке в Подмоскowie занимала чуть больше часа. Ничего необычного, ничего, за что мог бы зацепиться взгляд. Слегка обветшалый кирпичный коттедж на небольшом ухоженном участке. Аккуратно подстриженный газон, две стеклянные теплицы с огурцами и помидорами, пара грядок с зеленью да беседка со стареньким мангалом. Типичная дача московского пенсионера с достатком чуть выше среднего. Уютное, тихое место для спокойного отдыха.

Но, как водится, внешность нередко бывает обманчива. Цокольный этаж скрывал герметичный, стерильный бункер, оборудованный по последнему слову хирургической моды. Десять лет тайного строительства, запутанные схемы поставок оборудования, материалов и десятков сменившихся подрядчиков — эта лаборатория была отдельным предметом гордости в сердце Льва Сергеевича. Здесь не было городской пыли — лишь стерильный кафель, мерный гул приточно-вытяжной вентиляции и едва уловимый запах озона.

Лев Сергеевич, облачённый в строгий медицинский костюм графитового цвета, подошёл к массивной прозрачной перегородке из закаленного стекла. За ней, в просторном и безупречно чистом вольере, на кожаном диванчике восседал Цезарь.

Крупный самец шимпанзе при виде хозяина медленно повернул голову. Движение было плавным, скоординированным, абсолютно естественным. И лишь присмотревшись, можно было заметить аккуратный, едва различимый белёсый рубец, опоясывающий основание его мощной шеи. Три года назад Лев Сергеевич провёл то, что Каплан назвал «гнилой наукой» и «абсолютной медицинской невозможностью»: он пересадил голову этого примата на донорское тело сородича. Его модифицированный хитозановый клей сработал идеально — миллионы аксонов спинного мозга не просто соединились, они проросли друг в друга, вернув существу полный контроль над чужими конечностями. Цезарь не просто выжил. Он полноценно жил, брал лапами сочные дольки яблок и помнил старые команды. Это был триумф, скрытый от глаз трусливого человечества.

Профессор долго смотрел на своё творение, и в его глазах, обычно безэмоциональных и холодных, как линзы операционного микроскопа, разгорался опасный фанатичный блеск. Мысли снова вернулись к утренней статье: к самодовольным лицам Каплана и Крукоффа, к дешёвому фокуснику Канаверо, очернившему великую идею.

— Хватит... — негромко, но отчётливо произнёс Лев Сергеевич в пустоту стерильного бокса. — Хватит этих выскочек, фокусников и мошенников. Пора положить конец глупым утверждениям трусливых теоретиков, прячущим свою немощь за этическими комитетами!

Он подошёл к металлическому столу и открыл на планшете зашифрованную базу данных пациентов центра Бурденко, которых обследовал в прошлом году. Пальцы «хирургического автомата» скользили по файлам, пока наконец не замерли над одной медицинской картой.

Алексей. Тридцать четыре года. В понимании профессора — идеальный кандидат. Молодой мужчина, приговорённый к скорой и мучительной смерти прогрессирующей, неизлечимой патологией. Лев Сергеевич отлично помнил его тоскливый, смиренный взгляд на консилиуме. Официальная медицина тогда расписалась в своём бессилии. Но не Лев Сергеевич.

Главное преимущество этого обречённого претендента заключалось в географии. Парень жил на другом конце страны — на острове Сахалин, в крошечном городке Анива. Удалённая провинция, затерянная у самого Охотского моря, идеально подходила для величайшего таинства. Никаких московских камер, коллег-ищек или случайных свидетелей. Лев Сергеевич не собирался просить разрешения или играть в биоэтику. Он похитит Алексея. Точные руки и уникальные научные наработки профессора оттолкнут прочь от него старуху смерть, занёсшую косу.

Воображение педантичного доктора, подстёгнутое величиим задуманного, утренней порцией кофе и ледяным вызовом Каплану, мгновенно принялось чертить безумный, нелогичный, но безупречный план. Трансплантацию нельзя проводить в стационаре — значит, хирургический блок приедет к пациенту сам. Большой, тяжёлый дом на колёсах. Обычный туристический внедорожный кемпер, но переоборудованный внутри по высшему разряду: автономные генераторы, бестеневые лампы, аппарат искусственного кровообращения и крио-установка для охлаждения мозга. Мобильный операционный комплекс, способный затеряться на островных дорогах.

Что ещё? Анестезиолог и операционная сестра. Ну конечно же, Герда и Эдуард Борисович! Вернейшая команда Льва Сергеевича на протяжении нескольких десятилетий, воспитанная им ещё с ординатуры. С ними он провёл несколько тысяч операций в центре Бурденко, вместе они пересадили голову Цезаря. С ними он проводил свои полулегальные эксперименты в лаборатории института, прикрывая их подложными документами и отчётами. Эти двое так же преданы их тайному научно-исследовательскому проекту, как и сам Лев Сергеевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.